

ВЛАДИМИР КОРЕНЕВ:

Искусство жертв не требует

Успех того или иного спектакля, фильма, конкретной роли в разные годы определяется разными факторами. Шестидесятые — время романтических, благородных героев. И один из кумиров тех лет — Владимир Коренев, знаменитый Иктиандр в фильме "Человек-амфибия". Сегодня он — один из ведущих актеров Театра имени К.С.Станиславского, плотно занятый в репертуаре. Это Шалимов из горьковских "Дачников", синьор Сирелли в "Сумасшедших поневоле" Л.Пиранделло, Великатов — "Таланты и поклонники" А.Н.Островского, Осип в "Хлестакове" (по "Ревизору") Н.В.Гоголя. Одна из последних ролей в спектакле "Мужской род, единственное число" Ж.-Ж.Брикера и М.Ласега, который пользуется повышенным зрительским успехом. Но как изменилась сегодня сама природа успеха, сопоставимы ли нынешние критерии с прошлыми, и где, наконец, грань между успехом истинным и ложным? Об этом мы и попытались поговорить с Владимиром КОРЕНЕВЫМ.

ПОЗИЦИЯ

В те годы, когда вышел на экраны фильм "Человек-амфибия", удачная киноработа замечалась сразу, и популярность становилась всенародной. Это сегодня сыгранные роли либо бесследно исчезают вместе с фильмами, либо служат иным целям: популярность сейчас не столь важна, важнее стимулы материальные. Но тогда ваш столь громкий успех в первом фильме имел значение для вас и дальнейшей вашей судьбы?

— Вы знаете, я человек не честолюбивый. И вообще считаю честолюбие пороком, правда, очень распространенным.

Но иногда честолюбие может быть стимулом к самосовершенствованию, к дальнейшей работе.

— Наверное, но тем не менее — это порок, который, возможно, позволяет человеку компенсировать какую-то свою недостаточность и постоянно гонит его куда-то. А при этом чего-то важного все равно не хватает. Мне кажется, честолюбие может быть в другом: оно должно вырасти до таких размеров, чтобы его нельзя было накормить ерундой. Искусство — дело очень личностное, лирическое, ты же о себе рассказываешь и из себя веревки вьешь. Но главное, на мой взгляд, для любого художника — это способность вырастить свою личность до размеров общественно-го интереса, только тогда он будет постоянно востребован.

Но для того, чтобы настоящее искусство было востребовано, нужна соответствующая аудитория. Когда же кругом одни сериалы да боевики, что

то серьезное уже перестают воспринимать. И нередко действительно талантливые художники постепенно "сдаются", желая, добровольно или вынужденно, соответствовать новым вкусам, тем самым еще ухудшая их. Таким образом, получается замкнутый круг...

— И так можно загубить все. А ведь если мы и были в чем-то конкурентоспособными, то именно нашей культурой. И ее разрушение — это самое страшное из того, что сейчас происходит: все можно починить, а традицию восстановить очень трудно, она создается и закрепляется веками. У нас в России культурная традиция такая же мощная, как во Франции и других европейских странах. Поэтому у меня еще есть вера в то, что ее не так уж легко окончательно добить, разрушить до основания. Хотя в нашем народе есть и такие особенности: мы все можем довести до предела. Наш российский капитализм, к примеру, так же омерзителен, как и российский социализм. А театр — это часть культуры, по которой, как и по кинематографу, по живописи, можно судить о состоянии общества.

Политический, идеологический заказ ушел в прошлое, но появился другой — коммерческий.

— Да, и он еще страшнее. Но я думаю, что с этим можно справиться. И наша интеллигенция уже чувствует опасность. Как-то Алексей Герман вел передачу по телевидению: разговор был трагический — о нынешнем состоянии кинематографа. Конечно, это не означает, что он испытывает ностальгию по социализму. Но тогда интеллигенция была объединена, а потом эйфория от свободы притупила ощущение опасности перед новыми провалами.

Фото Н.САМОЙЛОВА

которые уже случились и которые нас еще, вероятно, ждут.

А вот, к примеру, спектакль, в котором вы играете одну из главных ролей — "Мужской род, единственное число", — вы считаете коммерческим?

— Вы знаете, мне кажется, что при всей внешней видимости и коммерческом успехе эта постановка имеет внутри такую нежную структуру, так рассказывает о добре, в ней заложена такая чистота, что все это выходит за рамки коммерческого спектакля. Спивак — очень светлый режиссер. И мне кажется, что сегодня как раз время такой режиссуры. Общество в депрессии, и надо его оттуда выводить, давать человеку надежду на то, что вечные вещи, которые еще существуют, не погибнут.

Не так давно на правлении СТД обсуждался вопрос о необходимости сохранения репертуарного театра, наравне с другими формами, в частности, антрепризой: так сегодня, по моему, не совсем точно называют группу из нескольких человек, собравшихся на один спектакль часто с целями чисто коммерческими. Вы, насколько я знаю, в таких поста-

новках не участвуете. Почему?

— Я думаю, эти театры хороши для артистов только в плане материальном. К тому же ни один антрепризный театр еще не убедил меня в том, что в художественном отношении он достигает больших успехов, чем театр репертуарный. Это замечательное — репертуарный театр с постоянной труппой. Здесь выработана определенная эстетика, создается ансамбль. В сегодняшней антрепризе это исключено, потому что действительно люди собираются на один спектакль и разбегаются. И, по-моему, главное, что было в системе Станиславского, — это "не метод физических действий", не общение, а именно этическая сторона. Как правило, вдохновение и успех приходят как награда за чистоту помыслов, за мужество в отстаивании своей позиции. А нынешние антрепризы замешены на чем-то другом. Я — консерватор в хорошем смысле слова и считаю, что не надо отказываться от того, что было сделано и открыто в России. Ведь Россия всегда была театральная Мекка.

А вообще-то, мне кажется, что законов, по которым развивается

искусство, никто не знает. Раньше мне в институте говорили, что чем выше уровень производительных сил и производственных отношений, тем выше уровень культуры и искусства. Это, по-моему, чушь. Потому что во времена Древнего Рима или Греции, во времена рабовладельческого строя создавались произведения, которые и сегодня для нас являются эталоном. Есть, наверное, какие-то другие параметры, по которым развивается искусство и которых мы не знаем. Вдруг почему-то приходит плеяда замечательных режиссеров. Потом снова спад, потом опять подъем. Как это происходит? Почему?

И почему-то нередко это происходит вразрез с тем, что существует в реальной жизни.

— Да, эти взлеты часто бывают вопреки. Но все-таки именно тогда, когда общество опять испытывает нужду в духовности. Хотя уже по-иному, чем в прежние времена. Тогда была защита человеческой нравственности перед идеологией, а сейчас защита перед чистоганом, перед цинизмом.

Это нужно как своего рода противовес.

— Именно, а поскольку интеллигенция практически всегда находится в оппозиции, то она и выполняет эту функцию противовеса. Она всегда, как компас, выводит людей. Это происходит как-то непроизвольно, бессознательно, но тем не менее это тот иммунитет, который существует внутри общества и проявляется через искусство, через литературу. Какой-то студент написал Станиславскому письмо, в котором спрашивал: "Константин Сергеевич, что делать со снижением общественной нравственности?". А Станиславский ответил: "На снижение общественной нравственности надо отвечать повышением нравственности искусства".

Но сегодня интеллигенции приходится элементарно выживать.

— И в то же время я не вижу, чтобы кто-нибудь уж прямо с голоду помирал. Так что если кто-то скажет, что это его жизнь так допекла, что он во все тяжкие пустился, то я не поверю.

А вообще, мое представление о счастье лежит совсем в другой области, вне сферы театра или кино. Я считаю, что никакая профессия не стоит того, чтобы ей посвящать жизнь, даже самая интересная. Жизнь богаче, чем любая профессия. И я не понимаю, когда говорят, что искусство требует жертв. Жертв требует ремесло, а искусством заниматься — счастье.

Беседу вела
Марина ГАЕВСКАЯ